

Июльские погодные весы резко качнулись в сторону сильного понижения температуры. Если ещё вчера вечером, пешком возвращаясь домой со службы, я от палившего энэя, правда, помноженного на быстрый шаг, чуть ли не обивалась потом, то уже сегодня утром, не посмотрев на дежурный градусник, надел лёгкую хлопковую рубашку с короткими рукавами и лишь вышел на улицу, как волна чересчур прохладного воздуха накрыла меня с головой. Чтоб унять охватившее тело озноб, вынужденно ускорил свою и без того быструю ходьбу.

А заведующая приёмной — тоже по привычке, машинально — за полчаса до моего прихода включила кондиционер, и когда вошёл в свой рабочий кабинет, то почувствовал самый настоящий холода. Выключив работающий на полную мощность аппарат, бросился открывать все створки окон, чтобы поднять температуру внутри хотя бы до уличной. Заведующая, поняв, что оплошала, тут же принесла горячий зелёный чай с любимой мятой.

Пока я согревалась спасительным напитком, она доложила, что в приёмной находится писатель и очень просит принять его. В результате быстрой ходьбы я намного раньше обычного пришёл на работу, и конечно же, в такой ранний час никого не ожидал, но, тем не менее, согласился принять. Не дохидясь, когда писатель войдёт в кабинет, я встал из-за стола и направился навстречу ему. Однако не успел сделать и трёх шагов, как дверь распахнулась и на пороге появился начальник гостя.

И оказался руководитель большой писательской организации, гениальный поэт. Хотя это прекрасно понимают коллеги, тем не менее, стараются, то ли из зависти, то ли просто из-за неустроенности сегодняшней — будь она недадна! — жизни в рыночных отношениях, не воздавать ему по заслугам. Надо сказать, он к неблагодарности собратьев по перу относится совершенно спокойно, ибо понимает, что не коллеги, а будущее в лице Господа всё рассставит по своим местам.

Тепло пожав протянутую руку, я усадил коллегу за стол и сам сел напротив.

— Уважаемый, что-то серьёзное случилось, раз вы непривычно рано решили зайти ко мне?

— Не знаю даже, как и сказать... — Говорите так, как считаете нужным.

— Тогда начну с вопроса. Вы читали вчераший номер скандально известной всем писателям газеты?

— Вы на счёт одной из тех, которую нагло у нас, писателей, забрали, так сказать, хозяева новой жизни?

— Оней именно!

— Признаюсь честно, с того момента, как она стала частной, я её не читала и тем более не выписываю.

— А что так? — Откровенно? — Конечно!

— Да потому, что данное издание печатает чёрную клевету, или жареные сенсации, от которых так устал весь народ российский, или же заказные материалы, приносящие бешеный доход! Что же касается литературы, то и ей отводится место, но в очень уж урезанном объёме и только в двух случаях: либо из немалых денег, либо по взаимовыгодной, так сказать, «дружбе». Естественно, в таком случае ни о каком высоком качестве поэзии и прозы говорить не приходится. Между прочим, ответьте, какая у вас зароботная плата?

— Говорить даже стыдно — две-надцать тысяч рублей!

— А у главного редактора газеты, которую вы продолжаете зачем-то читать, думают, тысячи триста!

— Быть не может! Это же больше, чем у думских депутатов и министров!

— Я вам сообщил только то, что узнал лично от высокооплачиваемого автора повестушки, которым он плонут в лицо нашей прославленной армии, а потом и всем писателям, показав классиков литературы обыкновенными болванами, а порядки в Большом союзе, созданном великим пропагандистским писателем, — идиотскими. Правильно сказал об этом бумагаре всеми нам уважаемый, но, к сожалению, преждевременно ушедший в мир иной человек слова и дела: «Этот неудавшийся поэт думает, что, обгадив наше славное прошлое, стал писателем. Но это не так, ибо он стал самым ярым разрушителем отечества, если не сказать большего!» А наслёт его деген должен добавить, что, как он мне однажды признался, его зарплата могла бы запросто быть ещё больше, но совесть не позволяет!

— О какой совести он может говорить после того, как за спиной у своих коллег-писателей путём подлога, через суд умыкнул участок земли и дачу, а потом, разломав её одну, построил на её месте целый дворец! Но Литфонду, то есть нам, его членам, не выплатили даже компенсации за сломанное строение, я уже не говорю о том, что, согласно договору, он должен

этот дворец поставить на баланс Литфонда! Но не ставит — и всё! И норовит захватить ещё больше, как утверждают, между прочим, те, кого он считает своими друзьями.

— Не переживайте, поставит. Выполнение условий, обозначенных в договоре, охраняется законом!

— Слушайте, вы как человек с громадным опытом строительства можете хотя бы примерно назвать стоимость двух строений, возведённых обманом на писательской земле?

— Запросто! Думаю, вместе с отделкой — где-то от восьмисот тысяч до миллиона американских долларов.

— Фантастика! А где же он такие деньги взял?

— Как где? Заработал своим якобы непомерным писательским трудом. По крайней мере, так уверяется лично на весь Божий свет в телевизионе. А необходимость построек, как мы метко выразились, «дворца», он на заседании бюро объяснил так: «Я же не виноват в том, что моя дочь всё рожает и рожает!»

— Но такие средства нельзя зарыбить писательским трудом, особенно в наши дни, когда все без исключения издательства даже классикам выплачивают смехотворно низкие гонорары,

нельзя). И вот почему. Во-первых, вся наша писательская собственность: дома творчества, творческие мастерские, производственные цеха, книжные магазины и прочее — построены собственными силами и исключительно на деньги от отчислений с авторских гонораров.

Во-вторых, на все объекты нам соответствующими государственными регистрационными службами в свой время законно выданы свидетельства на право собственности, которые, конечно, с дури можно, как и всё на белом свете, в судебном порядке отспаривать, но безрезультатно, хотя бы уже потому, что в целях возвращения из-за границы в Россию денежных многомиллиардных потоков, государство оправдано в законодательном порядке снизило претензионный срок по имуществу с десяти до трёх лет. Если даже считать, соглашаясь с несчастными прихватизаторами, срок с момента возникновения Литфонда, то он составит аж двадцать один год! В таком случае говорят: какие-либо комментарии излишины.

Но самое главное — написание и публикация, как я уже сказал, чушь собачья, является окончательным падением в бездну подлости этого то ли

сообщить.

— Судовольствием!

— Ну, тогда пошли в ресторан!

Первое, что ощущил, выйдя на улицу: от утренней знобящей прохлады не осталось и следа. Ветер, неожиданно привлеченный с юга, разогнал кучевые обложные облака, и теперь в пронизительной синеве неба солнце светило, как хотело, — ослепительно ярко и сильно! Во дворе писательского дома, закрытого высокими каменными строениями от запущенного ревущими и сигналящими автомашинами Садового кольца, стояла такая явственная тишина, что, птицы, вдохновлённые сиянием небес, словно в дачном саду, пели во все свои сладкозвучные голоса в огромных, с тёмно-зелёной сердцевиной листьях дубовых кронах.

Заходить обратно в помещение не хотелось, и мы с гениальным поэтом сели за один из столиков на бетонной, чисто убранный ресторанный площадке. Тут же подошёл услужливый официант:

— Здравствуйте! Что будете заказывать?

— Мне как всегда: свежего норвежского лосося, приготовленного на гриле, — попросил я.

Гений не стал мудрить:

— Знаете, и мне тоже самое.

вает значительные средства в виде благотворительности в такие области, которые жизненно необходимы обществу, но на которых денег у самого государства нет и вряд ли когда будут.

Теперь о богатой, как вы говорите, жизни киноартистов. Да, очень востребованные зарабатывают неплохо. А остальные, менее востребованные? Поверьте мне, живут, к сожалению, ничем не лучше нашего брата-писателя. И порой очень, очень талантливые артисты.

И, конечно же, ни тех, ни других государства, как нагло лгут несчастные прихватизаторы, на постоянной бюджетной основе не финансирует. Дай Бог правительству содержать достойно армии, поскольку слишком уж многое повилось желающих покиваться за счёт наших подземных кладовых. Но случайно же покойная Маргарет Тэтчер не так уж и давно нагло заявила, мол, несправедливо одной России распоряжаться своими громадными природными богатствами. Та ещё была леди, на чью мельницу воду лить...

А знаете, сколько всего средств в процентном соотношении заключено на этот год для финансирования Министерства культуры со всеми его структурами?

— А зачем мне чужие деньги считать!

Времени заработать на свою жизнь — то не хватает!

— Я тоже доподлинно не знаю, но руководители театров и музеев говорят, что всего 0,6 процента! И возмущаются, поскольку такого низкого финансирования, как они уверяют, ещё никогда не было. В связи с этим, то ли в шутку, то ли всерьёз, даже прозвали нового министра «ноль шесть процента».

Оплата труда киноактёров проходит следующим образом. Режиссёр, желающий получить государственные средства, в обязательном порядке участвует в тендере на лучший киносценарий, и если его выигрывает, то получает из бюджета через финансовое подразделение Министерства культуры деньги и по согласованной и утверждённой соответствующим органом смете оплачивает все расходы, связанные с созданием фильма, в том числе и труд актёров. Но полученные из бюджета средства, поверьте, совсем не большие. К примеру, недавно проводился тендер, в котором принимало участие более тридцати сценариев, а выиграло только двенадцать. И теперь на создание фильмов будет выделено всего-навсего от тридцати до пятидесяти миллионов рублей из расчёта на одну картина!

Конечно, на такие деньги создать полнометражный фильм невозможно.

Средств требуется многократно больше. В таком случае опять же вся надежда на щедрых спонсоров.

— Да, дела... Но в глубине очень многие видные писатели еле-еле сводят концы с концами и кое-кто из них, как утопающие за соломинку, могут, так сказать, поплыть на лживые посулы несчастных прихватизаторов! А потом, когда поймут, что их в очередной раз нагло и подло обманули, как же они в глаза своим коллегам смотреть будут! Ведь иначе, чем предателями общественных интересов, их тогда не назвать! Самые что ни на есть бесноватые!

— А вот что такого не произошло, гениальный поэт, вы как честный человек, кого они обличили своим доверием, и должны с привлечением грамотного юриста, предостеречь их от ошибочного шага.

— Вопросов нет! Ну, а чем занимается наша профсоюзная организация? Я её руководителей видел и слышал только на отчёто-выборных собраниях!

— Случайно или нет, но вы, гениальный поэт, задали совершенно спортивный вопрос. На самом деле, где она? К сожалению, так же, как и вы, не могу сказать. Но если бы она занималась своим главным делом — объединяя вокруг себя писателей, то ту же проблему низких гонораров можно было бы решить. Прячёст быстро!

— Подождите! Как это быстро?

— А очень просто. Надо не бездумно наблюдать, как писатели поодиноке бегают по разным редакциям, издательствам, театрам, радио- и телевизионным организациям с надеждой пристроиться произведения, а собрать общеписательское совещание, которое бы коллективно установило расценки оплаты гонораров. И всё! Поверьте, если писатели останутся верны этому решению, то за свою литературную работу будут получать в разы больше, чем получают сейчас!

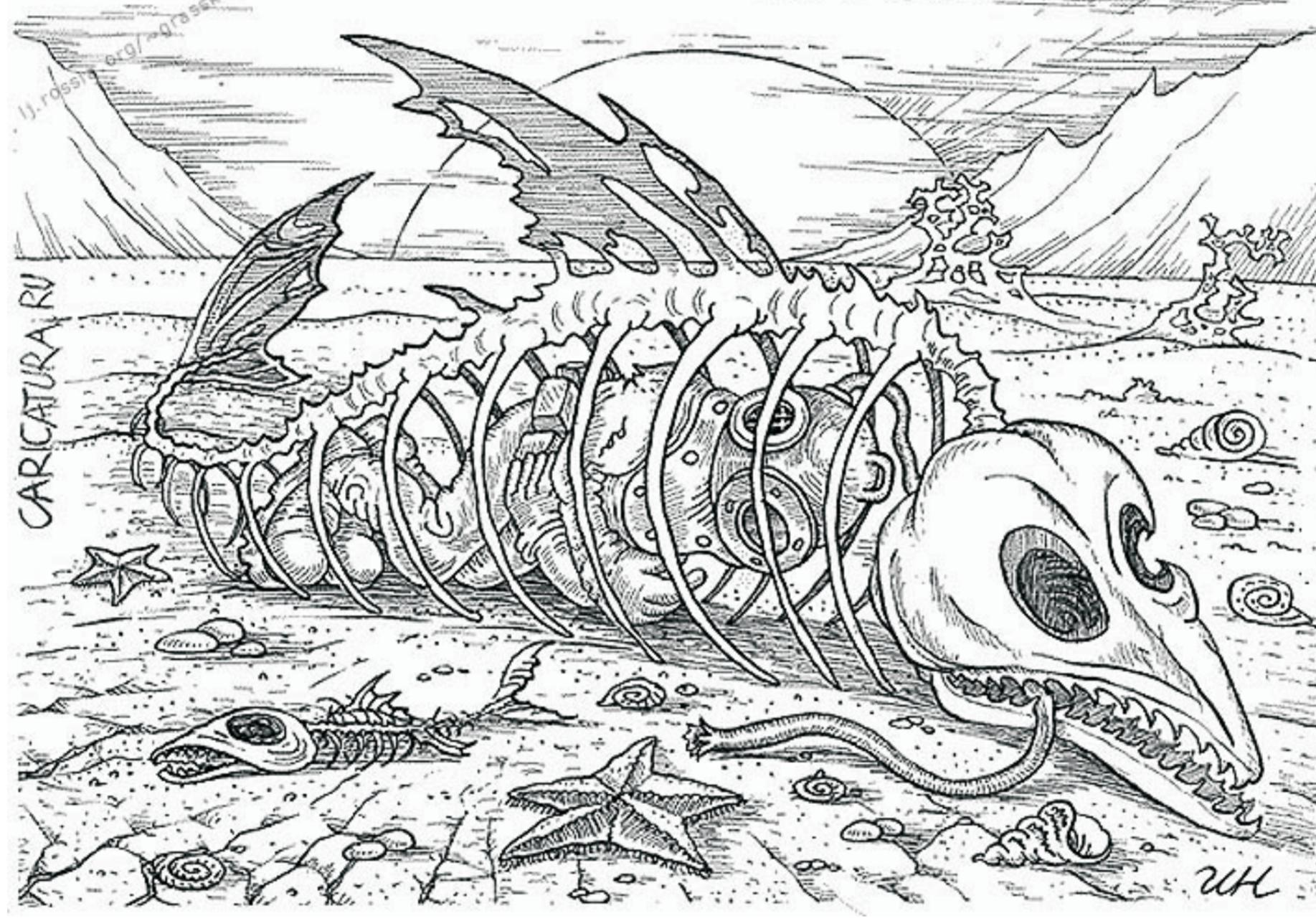
К сожалению, за разговором мы в полной мере не почувствовали вкус изумительного по своим качествам лосося! Так же, почти безразлично, вышли по чашке свежезаваренного зелёного чая. Подошёл официант и, увидев, что мы пообедали, предложил кофе. Гениальный поэт, любитель этого напитка, тут же согласился, я, скрёб для него, чтобы составить ему компанию, тоже не отказался. В ожидании кофе решил пройтись вокруг памятника Льву Николаевичу Толстому, собраться с мыслями для грядущей умы деда. Когда возвращался, увидел, что любимый напиток гениального поэта ещё не привнесли, зато он сам времени даром не теряя, увлечённо работая над какой-то рукописью. Может, над своей, а может, над чужой... Но при моём появлении тотчас отложил ручку, а руки сунул в портфель. И, не дожидаясь, пока сяду за столик, спросил:

— А правда, что у главного редактора связи в правительственные кругах, в том числе и в Администрации президента?

Я хорошо знал о всех связях неуважавшегося строчкогоня и прихватизатора как среди некоторых государственных

Иван ПЕРЕВЕРЗИН

Агония бесноватых

и, посмотрев на меня, поинтересовался:

— А почему вы всегда на обед заказываете одно и то же, как я заметил сам из упаковок других писателей?

На этот вопрос можно ответить и коротко, и длинно. Поскольку у нас нет лишнего времени, скажу лишь, что к этой замечательной рыбье меню пристрастил другой гений, только художник — Илья Сергеевич Глазунов. Да она и права очень вкусна и полезна.

— Извините, а какой новостью в свою очередь хотите поделиться со мной вы?

Честно говоря, в такую чудную полу值得一годную погоду о всякой мерзости говорить не хочется, тем более за обедом. Но раз обещал, то сообщаю: несчастные прихватизаторы разослали за подписью нескольких своих членов, которые привыкли только доить союз и Литфонд, ничего хорошего никому не сделали и вообще мало что знают в юриспруденции.

— На этот вопрос можно ответить и коротко, и длинно. Поскольку у нас нет лишнего времени, скажу лишь, что к этой замечательной рыбье меню пристрастил другой гений, только художник — Илья Сергеевич Глазунов. Да она и права очень вкусна и полезна.

— И ведь они в качестве примера приводят киноактёров, которые, действительно, как мне кажется, в финансированном плане сегодня живут очень даже неплохо.

— Простите, гениальный поэт, но я сейчас ещё раз убеждаюсь, что писать выдающиеся стихи — совершенно не значит быть юридически подкованным в вопросах бюджетного финансирования.

Во-первых, государство может финансировать из бюджета на постоянной основе только те организации, контрактный пакет акций которых, принадлежит ему. Однако в нашем случае это невозможно, потому что кроме желания властей предержащих нужен закон, дающий право правительству на финансирование. Таким документом для нас может являться только Закон о творческих организациях.

— А где он?

— Вот уже больше десяти лет пытаются где-то на каких-то полках в профильном комитете Думы, насколько мне известно.

— Правильно! А почему? Да потому, что принять его — значит взять на бюджетное финансирование, которое и без того трещит по всем швам, а в результате государство не может обеспечить достойное денежное содержание ни поэзии, ни врачей, ни учителей, ни академий, ни артистов и даже пенсионеров — одним словом, бюджетников, а тут ещё придётся «посадить на шею», дополнительные не только писателей, но и художников, архитекторов, композиторов, музыкантов, дизайнеров — в общем, всех граждан, занимающихся созданием интеллектуальной продукции. А профессионально работающих художников в одной столице больше семи тысяч человек! А по всей стране?! Неслучайно во всем мире идут путём привлечения дёжных средств со стороны, а именно — бизнеса. Для этого принят специальные законы о льготном налогообложении тех, кто вклады-

вают значительные средства в виде благотворительности в такие области, которые жизненно необходимы обществу, но на которых денег у самого государства нет и вряд ли когда будут.

Теперь о богатой, как вы говорите, жизни киноартистов. Да, очень востребованные зарабатывают неплохо. А остальные, менее востребованные? Поверьте мне, живут, к сожалению, ничем не лучше нашего брата-писателя. И порой очень, очень талантливые артисты.

И, конечно же, ни тех, ни других государства, как наг